

Г. И. Тираспольский (*Сыктывкар*)

Коми-зырянские и удмуртские стативы как часть речи

Стативы (категория состояния, безлично-предикативные слова, безличные предикативы, вербоиды, предикативные наречия, неглагольные предикативы) стали предметом исследования с середины XX в. на материале русского языка. Посвящённые им работы малочисленны и ограничены рамками преимущественно научных статей. Подступом к исследованию коми-зырянских стативов является статья В. М. Лудыковой [1989], освещающая историю вопроса применительно к некоторым финно-угорским языкам, в том числе и удмуртскому, и содержащая наблюдения над лексической семантикой и грамматическими свойствами коми-зырянских стативов. В статье отмечается, что коми-зырянские стативы не следует отождествлять с наречиями, прилагательными и другими частями речи. По мнению автора, стативы в коми-зырянском языке составляют “особую группу слов” [Лудыкова 1989: 43].

Решение вопроса о статусе коми-зырянских стативов как части речи, судя по всему, не входило в задачу указанной статьи. Определение частеречного статуса этих слов между тем важно как в теоретическом, так и в практическом отношениях.

Обратимся сначала к некоторым общетеоретическим положениям. Части речи представляют собой наиболее важный, но не единственный структурно-семантический тип слов. К таким разрядам относятся также местоимения, служебные слова, модальные слова, междометия, звукоподражания и ритуальные слова (подробнее см.: [Тираспольский 1978]). К особому структурно-семантическому типу можно причислить также категориально недифференцированные слова. Возможно, с течением времени перечень структурно-семантических типов слов будет уточнён и расширен. Однако при этом всегда останется бесспорным стержневое назначение частей речи: без них невозможно ни одно связное высказывание.

Слова, объединяемые в ту или иную часть речи, имеют три главных общих признака: 1) категориальное (понятийное) значение; 2) морфологические и 3) синтаксические свойства.

Категориальное (понятийное) значение является более обобщённым, чем лексическое, и охватывает все лексические значения слов, входящих в данную часть речи. Так, категориальным значением существительного служит значение предметности, отражающее свойство предметов и явлений быть относительно самостоятельными и устойчивыми во времени и в пространстве. Благодаря этому, напр., слова *белизна* и *бег* воспринимаются как существительные, хотя первое называет качественный признак, а второе – процесс.

Морфологические свойства разных частей речи, как правило, различны и объединены в особенный для каждой части речи набор морфологических категорий. Наряду с этим бывают случаи, когда морфологическая противопоставленность различных частей речи невелика. Так, русские глаголы прошедшего времени (восходящие к действительным причастиям) не изменяются по лицам, но имеют родовые формы, сближаясь тем самым с прилагательными. Несклоняемые русские существительные типа *метро*, *пальто*, *кенгуру* морфологически мало отличаются от наречий. Эти и подобные случаи являются выражением асимметрии (несоразмерности) частей речи. Она состоит в наличии у каждой из частей речи центра (ядра) и периферии. Центр (ядро) данной части речи образуют слова с типичными для неё лексическими значениями и грамматическими свойствами. Для русских существительных, например, – это склоняемые слова с

предметным лексическим значением типа *дом, стена, поле*. Слова же типа *бег, метро* и подобные находятся на периферии существительных, в зоне синкретизма. Здесь свойства языковых единиц разного качества накладываются друг на друга, противоречиво пересекаются. Несмотря на нетипичность, лексические значения слов, входящих в зону синкретизма, составляют с ядром части речи неразрывное единство. Оно обеспечивается процессами взаимодействия лексических и грамматических свойств в кругу частей речи.

Наличие у частей речи ядра и периферии сказывается и на их синтаксических свойствах. Так, для существительных типичной является синтаксическая функция подлежащего, а для глагола – сказуемого. Однако нередки случаи, когда сказуемое выражается существительным (напр.: *Он – инженер*), а подлежащее – глаголом (напр.: *Жить – значит бороться*). Подобное происходит и с другими частями речи.

В истории флективных и агглютинирующих языков обособление большинства частей речи обеспечивалось прежде всего тем, что они вырабатывали свои морфологические категории. В первую очередь морфологизировались те слова, которые составили ядро соответствующих частей речи, позднее морфологизация охватила периферийные слова, иногда не все из них. В ряде случаев морфологизация осталась незавершённой (как у русских глаголов прошедшего времени) либо сменилась деморфологизацией, т. е. частичной или полной утратой прежних морфологических признаков. Так, в русском языке деморфологизации подверглись, напр., краткие прилагательные, утратившие склоняемость, и краткие действительные причастия (нынешние деепричастия), которые утратили склоняемость и перестали изменяться по числам и родам. В случае с наречием происходило обратное: наречие получило статус части речи благодаря именно деморфологизации тех слов, которые из других частей речи переходили в состав наречий.

Таким образом, общепризнанные части речи синтетических языков состоят из двух групп: 1) морфологизованных частей речи (существительное, глагол, иногда прилагательное), имеющих тем самым сильный статус, и 2) неморфологизованных частей речи (наречие, иногда прилагательное), имеющих слабый статус.

Как средство противопоставления разных частей речи морфологические категории более выразительны, чем их отсутствие. И если в языке возникает какая-либо новая часть речи, имеющая свое категориальное значение и синтаксические особенности, но не выработавшая яркого морфологического облика, её возможности выделиться на фоне других частей речи невелики. Так, стивы и прилагательные морфологически идентичны и различаются лишь благодаря категориальному значению и синтаксическим свойствам в таких, напр., конструкциях, как кз. *меным шоныд* 'мне тепло' и *шоныд лун* 'тёплый день', *меным гажтѳм* 'мне скучно' и *гажтѳм юѳр* 'печальное известие', удм. *туннэ шуныт* 'сегодня тепло' и *шуныт дѳсяськыны* 'тепло одеться', *мыным жѳож* 'мне печально' и *жѳож адѳиськыны* 'печально выглядеть'. Это нередко приводит к отождествлению стивов с другими частями речи. В этих условиях важно выделить лексико-семантическое ядро стивов, в состав которого входят слова, не имеющие омонимов в кругу других частей речи. В коми-зырянском языке к таким стивам относятся диалектные лексемы *муторнѳ* 'неприятно, беспокойно, тревожно', *жаль* 'жаль', *любѳ* 'любо', *забеднѳ* 'обидно' и некоторые другие [Лудыкова 1989: 45].

Категориальным значением стивов является семантика состояния (статальности) как безличного, неопределенного по времени и месту признака, существующего вне процессуальности либо представляющего собой результат действия в прошлом. Этот признак тесно связан с психофизическими состояниями человека и поэтому обычно сопряжен с эмоциональной окраской. Наиболее отчетливо категориальное значение безличной статальности выражается стивами, составляющими лексико-семантическое ядро этой части речи. Другие стивы выражают это категориальное значение с теми или иными расхождениями и смысловыми оттенками.

Синтаксическая роль стивов – это главный предикативный член безличного предложения, или монопредикат. Он не сводится ни к подлежащему, ни к сказуемому. Выражая особое категориальное значение безличного состояния, стив другие синтаксические функции не выполняет. Этим он существенно отличается от остальных частей речи, способных в той или иной степени брать на себя разные синтаксические роли.

Таким образом, коми-зырянские и удмуртские стативы могут быть признаны самостоятельной частью речи, вместе с наречиями и прилагательными имеющей слабый статус.

Дальнейшим шагом на пути исследования коми-зырянских и удмуртских стативов могло бы стать уяснение того, как на становление этой части речи повлиял русский язык.

Библиографический список

Лудыкова В. М. Безлично-предикативные слова в коми языке // Грамматика и лексикология коми языка Труды Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО АН СССР. Сыктывкар, 1989.

Тираспольский Г. И. Типы слов и части речи. Сыктывкар. 1978.